Андрей Звонков, Ингвар Коротков

Король с клюкой

Часть сборника
Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Лезвие «канадки» – хоккейного конька, – притупившееся от долгого использования в состоянии еще взрезать потускневший старый лед на вираже, поднимая фонтаны, волны радужного ледяного крошева мыслей, чувств, воспоминаний. И там, под этой старой, застывшей, тусклой серостью вдруг ослепительно вспыхивает синью чистой, брызжет в глаза снегами прошлого, счастьем настоящим и радостью души…»

- Ингвар Коротков
  - ○

Ингвар Коротков
Король с клюкой

Лезвие «канадки» – хоккейного конька, – притупившееся от долгого использования в состоянии еще взрезать потускневший старый лед на вираже, поднимая фонтаны, волны радужного ледяного крошева мыслей, чувств, воспоминаний. И там, под этой старой, застывшей, тусклой серостью вдруг ослепительно вспыхивает синью чистой, брызжет в глаза снегами прошлого, счастьем настоящим и радостью души…

Коробку хоккейную из досок – добротную, крепкую – воздвигли рядом с первым в авиагородке пятиэтажным кирпичным домом – с газом!

Уходили в прошлое керогазы, титаны, примусы и керосиновые лавки…

Соорудили офицеры в свободное от службы время настоящее поле для ледяных ристалищ. Да и просто для мелкотни сопливой – на коньках покататься. Много ли других развлечений в крошечном летном городке, скованном зимними снегами…

Командовал всем отец Игорехи Коробкова, майор. Привозили вкусно пахнущие, исходящие смолой новенькие доски, копали ямки под столбы, колошматили молотками, приколачивая доски.

Зимними вечерами хоккейная коробка превращалась в эдакий бомондовый променад – гоняли на коньках, кокетливо сбивая с ног взрослеющих девиц, невинно подхватывая их за обозначившиеся талии. И те были ничуть не против.

Качались от ветра фонари над бликующим льдом, смех и крики тревожили леса, дремлющие окрест гарнизона в зимнем оцепенении, закручивались под скрежет коньков на виражах лихие любовные романы – самые первые, которые дороже всех последующих…

А днем, после занятий в школе, тренировалась школьная хоккейная команда, организованная все тем же неутомимым майором Коробковым.

Подошел он к делу спортивному серьезно, обстоятельно и ответственно – военный летчик же… Всей команде были закуплены клюшки, красные пластмассовые шлемы, наколенники-налокотники, форму специальную – самолично придуманную. Я был в запасе – не в основной команде, – но и на запасников всего хватило. И шлемов, и клюшек… Маленькая гордая радость..

КОМАНДА, а не дворовая шобла.

Игорь, сын его, просто раздувал от гордости щеки. Ну и, само

собой, капитаном команды был. А то как же? Мой папа главный – значит, и я тоже. Хотя, надо отдать должное, играл он неплохо. Очень неплохо.

Сварили из труб умельцы стройбатовские, что дома новые возводили, ворота, натянули на них сетки металлические, установили. Разметили поле, как положено – красиво, ровно, красно-сине… Ледовый дворец спорта в Белокаменной отдыхает…

И начались завораживающие ледовые турниры. Соревнования организовывал все тот же летчик Коробков. Приглашал команды из других районов, судил, объявлял, награждал… И медали были спортивные, профессиональные. И даже кубки!

Все было красиво, правильно, достойно. Однажды команда пробилась чудом на юношеский турнир «Золотая шайба». Чемпионами не стали, но какое-то там место в какой-то группе заняли. Это был фурор. Девицы-школьницы, обожающие мужественных хоккеистов, млели от восторга, влюбляясь напропалую в гладиаторов льда.

У Игорехи тоже была такая обожательница. Белобрысенькая милая девчушка с глазами свежезалитого синего льда. Из коттеджей, где проживали семьи младшего офицерского состава. На нее многие заглядывались, я в том числе… Ну куда же – пассия самого хоккейного капитана… не моги..

В тот день тренировка не заладилась.

У кого-то клюшка сломалась, кто-то нос разбил. Свернулись пораньше.

Восторженная обожательница новогодней снегурочкой в голубом пальтишке выскочила на лед к своему герою. Тот стоял, зажав небрежно шлем под мышкой, важно постукивая клюшкой о лед и мелко перебирая коньками, как Уэйн Гретцки примерно. Ну, по крайности, Фил Эспозито.

И тут подваливает к ним Шашок. Из поселка, который за пределами гарнизона находился. Скользнув безразличным взглядом по поджавшей губки «снегурочке» (не любила она поселковых; грубые они какие-то были, невоспитанные и книжки про любовь не читали).

Шашок, презрительно выпятив подбородок, бросил Игорю: «Отойдем за парой слов…»

Тот, тряхнув буйными цыганскими вихрами, поехал неторопливо-настороженно за ним. Говорили недолго, минуты три. После чего Шашок, перемахнув борт катка, вразвалочку отправился к КПП (контрольно-пропускному пункту), а Игореха,

красиво шурша лезвиями коньков, вернулся к встревоженной «снегурочке».

«Ну Шашок дает… на бой вызывает… Сыграть предлагает нам. С ихними. Из поселка». Игорь нехорошо засмеялся: «Хоккеисссты… Да мы их как котят размажем… Вот в эту субботу и размажем… Пойдем, холодно что-то»…

Суббота наступила. Все утро команда гарнизонных гоняла шайбы по полю.

Поселковых хоккеистов не было. Они вообще редко на гарнизонный каток приходили. Свое у них раздолье зимнее было – застывшие пруды, озерца, болотца, горочки-пригорочки.

Но часам к двум подтягиваться стали и поселковые болельщики. Гарнизонные-то с утра здесь терлись.

Разделились четко: поселковые у одного борта – вроде как поближе к дому, гарнизонные – у противоположного, свистя, улюлюкая и подначивая своих визави.

А то как же: офицерские детки, белая кость. А там… Сельпо заныканное…

Выстроились команды друг напротив друга. Точнее, недруга, соперника.

Хозяева площадки, как картинки – все в одинаковых летных бежевых свитерах верблюжьей шерсти с нашитыми номерами и фамилиями, в шлемах угрожающе кроваво-алого цвета, с хорошими клюшками, на ногах – исключительно «канадки».

А напротив – поселковые… Эта разномастная команда напоминала больше кучку шпаны из фильма «Республика ШКИД»…

Жестокий хохот чуть не смел их со льда. Облаченные в разной степени сохранности и цветов ватники, сатиновые шаровары либо ватные штаны, те сбились щерящейся кучкой загнанных волчат, но от боя отказываться не собирались.

Раскрасневшиеся, злые, они перебирали валенками с прикрученными к ним допотопными коньками – у кого двухполозные, у кого-то даже «снегурки»! «Канадки» были только у двух или трех игроков, шлемов не было ни у кого.

Вратарь поселковых напоминал то ли лешего, то ли чучело огородное: в обрезанном военном тулупе, самодельной проволочной маске, нахлобученной поверх шапки с торчащими ушами, зеленых ватных штанах, обвязанных от колен до коньков аккуратно обрезанными прямыми деревянными колышками…

Вой и хохот достигли апогея, когда на середину площадки, к майору Коробкову, подъехали капитаны.

У поселковых это был Шашок. И ладно бы его черный ватник с намалеванной надписью белой нитрокраской на спине: «Шуба Лисья»… Но его клюшка…

Это был шедевр. Произведение искусства. Представляла она собой вырезанный из дубового, видимо, сучка агрегат с затейливо изогнутым «крюком», более напоминающим клюшку для игры в хоккей с мячом.

На ногах Шашка, правда, были «канадки». Новенькие.

Капитаны пожали друг другу руки. И тут майор Коробков машет мне рукой, я красиво перепрыгиваю через бортик (вдруг в игру зовут?), подъезжаю… Он мне смущенно: «Одолжи клюшку. Парню сложновато будет с самопалом-то»… Протягиваю нехотя свою красавицу…

Глянув сердито на нее, на меня, затем на майора, Шашок яростно-отрицательно затряс головой.

Майор помолчал мгновение, затем кивнул, хлопнул меня по плечу – дескать, свободен. Чем расстроил меня донельзя..

Зажал свисток зубами, поднял руку вверх…

Игорь и Шашок согнулись, вибрируя, нос к носу. Причем Шашок в своем черном ватнике с белыми отметинами напомнил паука-крестовика, хищно замершего над побледневшим от ужаса льдом. Резкий свисток пулей швырнул шайбу вниз, оглушительно клацнуло скрестившееся деревянное оружие, и рявкнул бой…

Все было в той схватке. Вывихнутые пальцы, синяки, ушибы. Сломанные клюшки и разодранная одежда. Разбитые носы, сорванные шлемы. Отвалившиеся от валенок «двухполозки» поселковых, которым тут же кидали через борт запасные, загодя приготовленные.

Валерке Левченко, гарнизонному защитнику, выбили два передних зуба, и его, рыдающего, увезли на машине в санчасть.

Страшен был Шашок в своем исступленном желании победить и повергнуть. Черным смерчем с белыми проблесками он носился по площадке, не обращая внимания на то, как трещали доски, когда его «впечатывали» в борт, серьезно намереваясь вывести из строя. Он отвечал тем же – чем дальше, тем жестче. Своим самодельным крюком он выделывал такое, что и не снилось ни одному канадскому профессионалу.

Уже на последних секундах при счете 4:4 – то есть гарантированной ничьей, Шашок летел к воротам гарнизонных, сметая все и всех на своем пути.

Остановить его было невозможно. Сбив с ног двух защитников, разлетевшихся в разные стороны, как сухие осенние листочки, Шашок из последних сил ткнул своей «клюкой» шайбу

в узенький просвет последней надежды, в левый угол ворот.

Но в этот момент его клюшка сломалась, шайба лениво замерла, чуть коснувшись заветной линии, и переползти ее так и не смогла.

Дымящийся паром вратарь прихлопнул ее ловушкой, купленной в «Спорттоварах» райцентра, и замер ничком.

Проверещал немного растерянно свисток майора Коробкова. Бой закончился. Ничья.

Гарнизонные нарезали круги по площадке, потрясая в воздухе клюшками.

Восторженно визжавшие девицы швыряли в небеса свои модные разноцветные мохеровые шапочки. Перевозбужденные поселковые болельщики не расходились – может, подраться надо будет еще на всякий случай?.. – и одобрительно что-то кричали своим игрокам.

А «снегурочка» Игорехина, перемахнув через борт, семенила по льду белыми сапожками, сжимая в покрасневшей от мороза руке квелый букетик из домашней герани, что на подоконниках в горшках растут.

Игорь расплылся в улыбке, подергивая подбитым глазом, готовясь принять цветы вместе с победным поцелуем. Но «снегурочка» к его неподдельному изумлению ловко обогнула капитана гарнизонной команды и подбежала к Шашку, стоявшему за воротами противника и мрачно разглядывающего останки своей клюки.

Запунцовев вишневым цветом, она протянула цветики ошеломленному Шашку, торопливо пробормотав: «Это тебе… Ты молодец…» – и убежала домой читать стихи Цветаевой и Ахматовой.

Под одобрительный гогот односельчан Шашок смущенно засунул букетик за пазуху своей расхристанной «Шубы Лисьей», поднял половинки клюки и, сильно хромая, покатился в строй своей команды.

Правила есть правила – надо отдать дань уважения друг другу.

Между двумя шеренгами таких разных и таких похожих пацанов стоял майор Коробков. Ничья несомненная, конечно. Но…

Пригласив к себе капитанов, майор сказал им несколько слов. Сын недовольно пожал плечами и посмотрел куда-то в сторону.

А Шашок даже попытался отъехать назад малыми зигзагами, но майор сказал что-то совсем уж строго, – и поселковый капитан

замер.

И кубок, дешевенький, жестяной, – был вложен майором Коробковым в руку Шашка, хотя тот всячески пытался противиться.

Поселковые заревели восторженными медведями. Гарнизонные поначалу было не очень стройно заулюлюкали, но потом присоединились к овациям.

Ко всему прочему вконец застеснявшийся капитан поселковых получил в подарок от майора Коробкова клюшку. Личную. Майорскую.

Когда же команды пожимали друг другу руки, Игорь искренне и с удовольствием сжал грубую руку Шашка, хоть и был очень обижен за «снегурочку»…

К вечеру распогодилось, багрянец яростного, но уже прошедшего боя заливал небо над станцией, за которой и находился поселок.

Пацаны возвращались домой: кто-то орал, смеялся, кто-то ругался, кое-кто покуривал сторожко, «в кулачок»…

Шашок шел позади, чуть поотстав. Он поглядывал на прикипевший к окоченевшему запястью кубок, на добротную, фирменную клюшку майора (половинки своей клюки тем не менее неся под мышкой). Скупо улыбаясь, бормотал едва слышно: «Ничегоооо… Мы еще сыграааааем…» Багровый закат мерцал, отражаясь в его глазах, которые немного, совсем чуть-чуть пощипывало. От мороза, наверное…